

На рассвете первые лучи солнца озарили карнизы крыш.

Чэн Ваншу медленно проснулся и обнаружил, что Чжао Умянь мирно спит, уютно свернувшись в его объятиях.

Чэн Ваншу поджал губы, стиснул зубы и даже ущипнул себя за бедро. Его лицо исказилось в почти пугающей гримасе, пока он изо всех сил пытался подавить смех.

"Мянь-Мянь такой милый, Мянь-Мянь такой хороший, Мянь-Мянь — просто сокровище для читателя!"

Закончив хвалу своему кумиру, Чэн Ваншу перешел к обдумыванию серьезных вопросов.

Теперь, когда он нарушил ход событий из сюжета книги, что ему делать дальше?

Дано: по сюжету новеллы Чжао Умянь тайно научился заклинаниям только после того, как подвергся издевательствам со стороны Чэн Бужэня.

Условие: Чэн Ваншу ни за что не позволит Чжао Умяню снова страдать от жестокого обращения.

Требуется найти решение.

К Чэн Ваншу быстро пришла идея.

Поэтому, как только Чжао Умянь открыл глаза, он увидел прямо перед собой лицо Чэн Ваншу, который с широкой улыбкой спросил:

— Мянь-Мянь, а ты знаешь, какое главное правило, когда лезешь на стену?

Чжао Умянь: "..."

Что за бред целыми днями несет этот человек?

И с каких это пор с его языка так легко слетает его уменьшительное имя?

Что касается главного правила залезания на стену, Чэн Ваншу пришел к следующему выводу — для этого нужна лестница!

Если лестницы нет, тогда нужен камень, чтобы использовать его в качестве приступки.

Если нет камня-приступки, вместо него сгодится дерево!

Однако, когда Чэн Ваншу привел Чжао Умяня к внешней стене двора, где Чэн Бужэнь обычно культивировал и применял заклинания, его ждали одна хорошая новость и одна плохая.

Хорошая новость: хотя он не нашел ни лестницы, ни камня-приступки, зато здесь росло подходящее дерево.

Плохая новость заключалась в том, что это дерево находилось внутри дворика!

Первый из списка афоризмов Чэн Ваншу гласил: "Проблемы существуют для того, чтобы их

решать!"

Вскоре на него снизошло внезапное озарение. Присев на корточки, он похлопал себя по плечу и улыбнулся Чжао Умяню.

— Умянь, давай, залезай!

Чжао Умянь долго молчал, прежде чем наконец решил заговорить.

— Зачем все это?

Только тогда Чэн Ваншу вспомнил, что должен объяснить происходящее Чжао Умяню.

— О, дело обстоит так. Чэн Бужэнь обычно культивирует в этом дворике. Мы заберемся на стену и будем тайком наблюдать за ним. Может быть, удастся потихоньку чему-то научиться.

Опасаясь, что Чжао Умянь все еще не до конца его понял, Чэн Ваншу добавил:

— Я вижу, что у тебя настоящий талант к культивации!

Чжао Умянь прищурил глаза, погружившись в раздумья, но через мгновение все же встал ногами на плечи Чэн Ваншу.

Чэн Ваншу уверенно поднялся на ноги и посадил Чжао Умяня на гребень стены, а затем, с помощью протянутой руки Чжао Умяня, с кряхтением вскарабкался следом.

Притаившись на гребне стены под прикрытием ветвей большого дерева, они украдкой заглянули во двор и, к своему удивлению, обнаружили, что Чэн Бужэнь как раз в этот момент над кем-то издевается.

Одетый в темно-синий роскошный наряд с круглым воротом, Чэн Бужэнь стоял посреди дворика. На его губах играла холодная усмешка. Перед ним стоял на коленях тщедушный слуга.

Чэн Бужэнь неторопливо раскрыл бумажный веер и, обмахиваясь им, поднял ногу, а затем резко пнул молодого слугу прямо в лицо.

Слуга упал на землю. Из его носа хлынула кровь, смешиваясь с пылью, запачкавшей его воротник. Дрожа от страха, он не смел издать ни звука. Он даже не стал тратить время на то, чтобы вытереть лицо, поспешив снова встать на колени.

Увидев эту сцену, Чэн Ваншу уже хотел было возмущенно закричать, чтобы остановить происходящее, но потом вспомнил, что рядом с ним Чжао Умянь, и подавил крик, прежде чем тот успел слететь с его губ.

Детям нельзя смотреть на дурных людей и дурные поступки, это плохо скажется на воспитании! Нужно сначала увести его отсюда!

Чэн Ваншу тихо окликнул его:

— Мян-Мян, не смотри, лучше пока вернись...

Прежде чем он успел закончить фразу, в тихом дворике внезапно поднялся неистовый вихрь. Чэн Бужэнь, быстро сложив особым образом пальцы, призвал заклинанием ветер, который с

яростным ревом смел Чэн Ваншу и Чжао Умяня со стены, втягивая их внутрь.

В момент падения Чэн Ваншу среагировал с молниеносной скоростью, крепко прижав к себе Чжао Умяня, чтобы его защитить.

Они оба тяжело рухнули на землю. Чэн Ваншу почувствовал ужасную боль в плечах и спине, как будто треснули кости. Но хуже всего было то, что он ударился головой о твердую почву.

Зато Чжао Умянь, приземлившись сверху на Чэн Ваншу, отделался легкими царапинами.

— Ой, а я-то думал, что подкрадываются какие-то глупые воришки. Оказывается, это ты, младший братец.

Чэн Бужэнь произнес слова "младший братец" насмешливым тоном, без всякого раскаяния в голосе.

Чэн Ваншу так сильно ударился, что у него искры посыпались из глаз. Пульсирующая боль в кровотокающей голове была невыносимой. Он лежал на земле, не в силах подняться на ноги, и даже толком не понимал, что говорит Чэн Бужэнь.

Чэн Бужэнь, которого вовсе не обеспокоило, что Чэн Ваншу был ранен, лениво перевел взгляд на стоявшего рядом Чжао Умяня.

Чжао Умянь приподнял Чэн Ваншу, позволив ему опереться на себя, и нахмурился, рассматривая стекавшую по его лбу струйку крови. Внезапно Чжао Умянь почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд.

Подняв голову, он встретился взглядом с Чэн Бужэнем, который пристально уставился на него.

Хотя Чэн Бужэнь уже видел Чжао Умяня на улице в тот день, сейчас он предстал перед ним совсем в другом виде. Чжао Умянь отмылся от грязи, его волосы были аккуратно собраны, и он был одет в чистую дорогую одежду цвета разведенной туши. Даже если забыть о его тонких, благородных чертах лица, одни лишь глаза феникса с чуть приподнятыми уголками невольно приковывали к себе внимание.

Чэн Бужэнь пару раз обмахнулся веером и подумал про себя: "Мне еще тогда показалось, что этот парнишка недурен собой, но я и не ожидал, что он окажется таким необыкновенным".

Вслед за мыслью последовало и действие. Чэн Бужэнь наклонился и протянул руку, чтобы схватить Чжао Умяня за подбородок.

Чжао Умянь с ледяным выражением лица отвернул голову в сторону, с отвращением избегая прикосновения Чэн Бужэня.

Увидев это, Чэн Бужэнь пришел в ярость и вlepил Чжао Умяню пощечину.

Звонкий звук пощечины заставил Чэн Ваншу прийти в себя. Увидев, что Чжао Умяня ударили, он почувствовал, как его захлестнул гнев. Зажимая рукой все еще кровоточащий лоб, он закричал:

— Что ты творишь! По какому праву бьешь людей?!

Чэн Бужэнь прищелкнул языком и раздраженно закатил глаза.

— Подумаешь, ударил раба. Глупый осел, где ты набрался смелости так орать на меня?

Чэн Ваншу хотел продолжить спор и в гневе попытался встать на ноги, но рана на голове была слишком тяжелой. От резкого прилива ярости и тревоги у него потемнело в глазах. Едва приподнявшись, он мешком повалился обратно и потерял сознание.

<http://bllate.org/book/16983/1583419>